

Цзянь Чэнь всегда спал удивительно мирно.

Пока другие крольчата по ночам отчаянно пинали одеяла или крутились во сне волчком, он неизменно лежал, свернувшись калачиком в обнимку со своей любимой подушкой-морковкой. В какой позе засыпал, в такой обычно и просыпался.

Накануне он уверял Чу Яньчжоу в том же самом, клянясь, что спит тише воды, ниже травы.

Но наутро всё пошло наперекосяк.

Снаружи вовсю барабанил дождь. Прохладный воздух просачивался сквозь узкую щель в пологе палатки, но внутри было на удивление уютно. Цзянь Чэнь лениво потянулся в полусне, наслаждаясь окутывающим его теплом, и инстинктивно прижался теснее к согревающему боку. По привычке он попытался посильнее обнять подушку, но замер.

Погоди-ка...

Разве вчера вечером Чу Яньчжоу не положил подушку-морковку ровно посередине между ними?

Мысль вяло шевельнулась в сонной голове, порождая смутное подозрение. Но не успел Цзянь Чэнь разомкнуть веки, как почувствовал, что по его макушке мягко скользнула чужая ладонь. Движения были осторожными, почти невесомыми, словно нащупывающими что-то.

Разум после сна ещё не протрезвел, и в голове царил полнейший сумбур. Наверное, стоило притвориться спящим и посмотреть, что будет дальше, но Цзянь Чэнь почему-то резко распахнул глаза и поймал Чу Яньчжоу с поличным.

— Ты что делаешь?

Голос со сна звучал совсем тихо и хрипло, а в глазах ещё стояла влажная сонная дымка.

Пальцы на его макушке замерли. Юноша растерянно уставился на Чу Яньчжоу, но тот лишь мягко, с лёгким нажимом потрепал его по волосам. Это прикосновение мгновенно прогнало остатки дрёмы. Цзянь Чэнь потёр кулаком глаза и снова спросил:

— Ты что-то искал?

— Вовсе нет, — негромко ответил Чу Яньчжоу и показал зажатую между пальцами белую пушинку, снятую со лба юноши. — Просто к волосам что-то прилипло. Наверное, ещё со вчерашнего дня осталось.

Цзянь Чэнь скосил глаза на его пальцы, но сомнения никуда не делись. Тон Чу Яньчжоу звучал убедительно, да и улика была налицо, но эти осторожные поглаживания... Он определённо что-то высматривал. Юноша уже собирался вывести его на чистую воду, как вдруг заметил кое-что поинтереснее.

— Почему ты так близко? — прошептал он, округлив глаза от изумления. — И где моя подушка-морковка? Она же должна быть посередине! Ты ведь что-то натворил ночью, да?

Чу Яньчжоу легонько ущипнул его за щёку. Ложные обвинения заставили его лишь усмехнуться:

— Ну конечно, натворил. Когда ты полночи настырно лез ко мне под бок, а когда я пытался отстраниться — колотил меня своей дурацкой подушкой-морковкой, мне следовало закатать тебя в одеяло, как рулет.

Цзянь Чэнь лишился дара речи.

Он просто не мог поверить, что его идеальные сонные привычки дали такой сбой. К тому же его искренне возмутила жестокая мысль Чу Яньчжоу закатать его в кокон. Да и вообще — как это понимать «пытался отстраниться»?! В такой ситуации не обнять его было преступлением само по себе!

Он захлопал ресницами и вкрадчиво спросил:

— И... ты в итоге меня обнял?

Чу Яньчжоу на мгновение замолчал, а затем нехотя признался:

— Обнял.

Цзянь Чэнь победно фыркнул. Стараясь сохранить независимый вид, он убрал руки с плеч Чу Яньчжоу, осторожно выбрался из его объятий и на прощание заботливо запахнул ворот его расстегнувшейся куртки. После этого он ловко натянул одеяло до самого носа, прячась от утренней прохлады.

— Живо вставай, — скомандовал из-под одеяла приглушённый голос. — Я проголодался.

После вчерашней долгой прогулки и ночного любования фейерверками Цзянь Чэнь проснулся гораздо позже обычного. Зима — время вселенской лени, а морозный воздух, коснувшийся пальцев, едва он высунул руку из-под одеяла, окончательно лишил его всякого желания покидать тёплую постель.

Рядом зашуршало одеяло. Чу Яньчжоу поднимался быстро, но в палатку всё равно ворвался сквозняк. Цзянь Чэнь поспешно закутался поплотнее и затих, прислушиваясь к шорохам. Лишь когда Чу Яньчжоу застегнул куртку, кролик осторожно высунул нос наружу.

— Одевайся теплее, — посоветовал он и, смешно сморщив нос, тихонько чихнул. — На улице жуткий холод.

Чу Яньчжоу, поправлявший воротник свитера, замер и обернулся:

— Простудился?

Цзянь Чэнь мотнул головой и закопался глубже в одеяло:

— Да нет, вряд ли. Просто только проснулся. У меня дома всегда так спросонья бывает, сейчас пройдёт.

В его голосе всё ещё чувствовалась прежняя бодрость. Окончательно одевшись, Чу Яньчжоу шутливо попытался вытряхнуть его из кокона, но встретил такое отчаянное сопротивление в виде размахивающей во все стороны подушки-морковки, что рассмеялся и оставил его в покое, плотно подоткнув одеяло со всех сторон.

— Схожу за завтраком. Можешь пока не вставать.

Когда Чу Яньчжоу уходил, Цзянь Чэнь весело перекатывался с боку на бок, замотавшись в одеяло. Но когда капитан вернулся, картина разительно изменилась. Юноша лежал неподвижно, с головой укутавшись в постель, а прибежавшие поиграть котята оказались заперты вместе с ним под тяжёлым одеялом.

Услышав приглушённое, взволнованное попискивание маленьких демонов, Чу Яньчжоу быстро закрыл зонт, стряхнул капли дождя с куртки и с растущим беспокойством позвал Цзянь Чэня по имени.

Ответа не последовало. Лишь одеяло заходило ходуном: котята отчаянно пытались выбраться. Наконец один из них умудрился просунуть лапку в щель, приподнял край и пулей выскочил наружу, жалобно мяукнув и бросившись к Чу Яньчжоу.

— Мяу-у...

Цзянь Чэнь и не подозревал, какую панику навёл среди пушистых малышей. Он всего лишь хотел немного подремать, но сон принёс не облегчение, а тяжёлую, давящую дурноту. Голова гудела, щёки пылали жаром. Разбуженный голосом Чу Яньчжоу, он с трудом приоткрыл отяжелевшие веки и недовольно отмахнулся от протянутой к его лбу ладони.

— Хватит шуметь... — пробормотал он.

Но короткого касания Чу Яньчжоу хватило, чтобы понять — у юноши сильный жар.

Чу Яньчжоу никогда ни за кем не ухаживал. Ни в военной академии, ни во время службы в армии, ни после перехода в Бюро оборотней обычная простуда или лихорадка не считались заслуживающими внимания проблемами — достаточно было просто проспать.

Но Цзянь Чэнь был совсем другим. Хрупким, беззащитным.

Капитан мысленно похвалил себя за то, что догадался купить по дороге горячую рисовую кашу. Присев на край постели, он негромко спросил:

— Поешь немного?

Разгорячённый лихорадкой Цзянь Чэнь выглядел совсем вялым. Он слабо качнул головой и долго, туманным взглядом всматривался в лицо Чу Яньчжоу, прежде чем капризно протянуть:

— Не хочу. Кашу не буду.

Чу Яньчжоу отставил контейнер в сторону и мягко спросил:

— Тогда чего бы тебе хотелось?

Закутанный в одеяло юноша захлопал ресницами и после недолгих раздумий с абсолютной уверенностью заявил:

— Хочу кашу.

— Хорошо, — терпеливо согласился Чу Яньчжоу, снова беря чашку. — Поешь прямо сейчас?

Цзянь Чэнь шмыгнул носом. В его затуманенной голове происходила какая-то сложная мыслительная борьба. Прошло немало времени, прежде чем он наконец нехотя приподнялся, опираясь на локти.

— Совсем чуть-чуть, — он покосился на ложку в руках Чу Яньчжоу и соединил кончики большого и указательного пальцев, показывая крошечный зазор. — Вот столько.

Сам Чу Яньчжоу болел редко, но на больных насмотрелся достаточно. Обычно простуженные оборотни либо просто тихо увядали, либо, как Су Му, превращались в зверей и целый день безвылазно сидели в своей конуре, никого не желая видеть.

Но Цзянь Чэнь в болезни превращался в нечто неопишное. Мало того, что он соображал с трудом, так ещё и становился невероятно капризным.

Капитан мысленно улыбнулся и поднёс ложку к губам юноши, стараясь говорить как можно ласковее:

— Ну же, съешь пару ложек, нужно набраться сил.

Когда Цзянь Чэнь затихал, он становился на редкость послушным и безропотно делал всё, что ему говорили. Проглотив тёплую кашу, он заметно расслабился, но тут же снова звонко чихнул.

«Точно простудился», — уныло подумал он, и от этой мысли его губы обиженно поползли вниз.

Чу Яньчжоу когда-то читал, что у некоторых во время болезни обостряются все скрытые чувства, а их поведение может разительно отличаться от обычного. Сейчас, наблюдая за капризами своего кролика, он окончательно в этом убедился.

Сходив за влажным прохладным полотенцем, Чу Яньчжоу вернулся к постели, но не успел даже присесть, как Цзянь Чэнь резко подался вперёд и мёртвой хваткой вцепился ему в талию.

От неожиданности Чу Яньчжоу замер, его хвост напряжённо выпрямился, но мужчина тут же заставил себя расслабиться и мягко похлопал юношу по спине.

— Что случилось? — с беспокойством спросил он.

Цзянь Чэнь поднял на него мутные глаза, в которых сквозь сонную одурь читалась глубокая досада:

— Кажется, я понял, почему заболел.

— И почему же?

— Вчера... — Цзянь Чэнь сел прямее и принялся сосредоточенно загибать пальцы, объясняя ситуацию с максимальной серьёзностью. — Когда я расплатился, то сразу побежал обратно к тебе. Но по дороге увидел торговца танхулу и не удержался, остановился купить пару штук...

У Чу Яньчжоу невольно дёрнулось веко.

— И?

— И... — Цзянь Чэнь запнулся, явно потеряв нить собственных рассуждений. Внезапно он сердито хлопнул ладонью по одеялу: — В общем, тебе строго-настрого запрещено заглядывать в мою коробку!

— Ладно-ладно, не буду, — примирительно улыбнулся Чу Яньчжоу, аккуратно стирая влажным полотенцем капельки пота со лба юноши. — Сильно плохо?

— Угу, голова раскалывается, — уныло кивнул Цзянь Чэнь. Но тут же ухватился за рукав капитана и с тревогой спросил: — Слушай... А может, у меня просто мозг начинает расти?

В бреду лихорадки Цзянь Чэнь забредал в такие дебри логики, которые не снились и здоровым. Он сосредоточенно нахмурился, обдумывая эту пугающую теорию, а чтобы Чу Яньчжоу не мешал его мыслительному процессу своими комментариями, предусмотрительно зажал ему рот ладошкой.

Под весёлым взглядом командира юноша вдруг просветлел и с гордостью выдохнул:

— А, нет, глупости! Я понял. Растёт вовсе не мозг.

— А что тогда?

— Уши.

Чу Яньчжоу удивлённо приподнял бровь:

— Какие ещё уши?

Цзянь Чэнь ничего не ответил. Навалившаяся слабость лишила его последних сил. Он лишь устало шмыгнул носом, утыкаясь лбом в плечо мужчины.

Видя, что болезнь берёт своё, Чу Яньчжоу уложил его обратно на подушки. Ему нужно было сменить полотенце и раздобыть где-нибудь жаропонижающее. Однако стоило ему убрать со стола пустую посуду и подойти к кровати со свежим компрессом, как из глубин одеяла вынырнул притаившийся там Цзянь Чэнь и снова обвил руками его шею.

Что-то мягкое и пушистое мазнуло Чу Яньчжоу по щеке.

Мужчина замер. Опустив взгляд, он увидел то, что так упорно искал утром на голове спящего юноши. Из густых волос Цзянь Чэня робко торчали длинные пушистые кроличьи ушки, нежно-розовые с внутренней стороны.

«Ну надо же, действительно выросли», — с теплотой подумал Чу Яньчжоу. Он попытался аккуратно разжать хватку больного и вернуть его под одеяло, ведь кролику сейчас требовался покой.

Однако лихорадка лишила Цзянь Чэня здравого смысла, но отнюдь не сил. Он упорно продолжал шмыгать носом, висеть на шее Чу Яньчжоу и крепко сжимать пальцами его воротник.

— Чу Яньчжоу...

Маленький кролик сонно потёр слезящиеся глаза. Голова у него шла кругом, взгляд никак не мог сфокусироваться, но он всё равно намертво вцепился в ладонь волка и с робкой надеждой прошептал:

— Ты что... больше не любишь кроликов?

<http://bllate.org/book/18358/1798200>